

Галина Зуева

ВЫСЕЛКИ

мистический детектив-притча

18+

Галина Зуева

Выселки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69960982

SelfPub; 2023

Аннотация

В заброшенном поселке погибает известный фермер. Расследовать смерть друга отправляется Петр Волков. Он успешен, слегка циничен и почти благополучен – разве что плохо спит из-за кошмаров. Когда сыщик приезжает в места, где родился и вырос, его кошмар обретает реальные черты. Дело оказывается запутанней, чем он думал, и смертей больше, а корни преступления переплетаются с тайной его рода и давним проклятием. Каким образом Петр справится с загадкой, читайте в мистическом детективе «Выселки».

Содержание

Глава 1. Встреча	4
Глава 2. Макарьево	23
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Галина Зуева

Выселки

Посвящается моим родителям.

Глава 1. Встреча

Петр проснулся среди ночи от кошмара. Жуткое видение преследовало его третий месяц, и казалось, это будет длиться бесконечно. Самым ужасным было то, что каждый раз ощущения от увиденного и пережитого во сне не притуплялись, а, наоборот, становились все ярче и острее. Петр перепробовал все: снотворное, бег перед сном, коньяк, секс. Да, он надеялся, что ночь с очередной красоткой подарит забытьё. Но под утро кошмар приходил снова.

Сновиденье всегда начиналось одинаково, и Петр знал: отдохнуть не получится. Опять. Сначала перехватывало горло – все мышцы сдавливало. Потом судорога опускалась ниже, до самой диафрагмы, перекрывая кислород, и легкие готовы были разорваться. Он не мог дышать. Почему? Ему и правда не хватало воздуха? А может, это страх душил его? Ледяной, обжигающий, мертвящий ужас, разливающийся по телу и вводящий сознание в ступор. Петр не мог проснуться – так сильно парализовал страх. Или он просто не понимал,

что уже не спит?

...Сознание (сознание ли?) насмехается над ним. Он чувствует, что стены спальни расплываются и превращаются в глубокое озеро. Осень. По серо-зеленой воде мелкой дрожью бегут волны, хотя ветра нет. Странно: на озере в середине октября нет ветра? Но ни одна травинка не шелохнется. И стоит жуткий холод. Такое впечатление, что мороз идет из-под земли, перемешивается с воздухом и столпом уходит ввысь. Так зябко, что кажется, наступил декабрь или январь. По ощущениям – сильный минус, хотя снега тоже нет. Только продирающая до костей, до самого мозга дикая стужа, которая воспринимается как нечто живое.

Петр поднимает голову и видит над собой небо. Оно такого же цвета, как и озеро. Все вокруг серое, сизое, болотно-зеленое, но светлые вблизи оттенки переходят в почти угольную черноту на горизонте и высоко в небесах. И он уже не понимает, где заканчивается озеро и начинается небо. Или это не озеро, а сплошная серо-черная масса, душащая своим ледяным безразличием и страхом?

Страх? Откуда страх? Никого же нет, кроме него самого и озера?

Стоит об этом подумать, и Петр чувствует, что ему в спину кто-то смотрит. Будто под лопатку втыкается невидимый тупой нож.

– Да кто тут может быть? В такой холодрыге? – спрашивает он сам себя.

Петр оборачивается и видит метрах в трех от себя маленькую старушку. Росточком едва ему по плечо, лицо спокойное, с мягкими чертами, сплошь покрыто глубокими морщинами. Взгляд серо-зеленых глаз безмятежен, только в самых уголках пляшут веселые искорки. Волосы убраны под большой цветастый красный платок. Одета в старомодную, будто не из нашего века светло-серую меховую пушистую кофту и длинную юбку в пол. Стоит, не шелохнется, словно древний идол – каменное равнодушное изваяние, которое было здесь до тебя и будет еще долго после того, как тебя не станет.

Почему-то мелькает мысль: «Хорошо, хоть платок выделяется ярким пятном на фоне безрадостного серого пейзажа».

Старуха говорит спокойным, ровным тоном:

– Здравствуй, мил человек. Не поможешь бабушке через озеро перебраться?

– Мне не надо на ту сторону. Да и лодки и у меня нет.

Собственные слова удивляют Петра: зачем он оправдывается перед бабкой? Обычно он легко говорит «нет». Может, это профессиональная деформация, но он привык все подвергать строгому анализу, делать выводы и только потом что-то предпринимать, а не бежать сломя голову помогать кому-то. А сейчас что же? Тембр голоса, что ли, у старушки такой? Он сам этого не понимает. Никак загипнотизировала она его?

– Петрунечка, помоги бабушке, – жалобно как будто вы-

певаёт старуха.

Откуда она знает его детское прозвище? Петра так никто не называл много лет – ровно с тех пор, как не стало его любимой родной бабушки.

– Как ты меня назвала?

– Петрунечка? Тебе же это имя так идет. Ты же такой добрый, Петрунечка, как бурый мишка.

Диковинная старуха говорит словами бабушки. Он как будто слышит ее родной ласковый голос.

– Зачем тебе на тот берег? – Петр пытается тянуть время – возможно, инстинктивно дает себе возможность обдумать происходящее.

– У меня там детки болеют. Вот, иду их лечить.

– А здесь ты откуда и как сюда попала? Тут не живет никто много лет.

В этот момент глаза у бабки зло сверкают. Петр готов поклясться, что их цвет изменился с серо-зеленого на черный.

– Собирала для деток ягоды в лесу.

– Холодновато и поздновато для сбора урожая. Скоро ноябрь, а ты что-то в лесу ищешь.

– Кто обучен врачеванию, тот всегда найдет, что ему нужно. Я и нашла.

В доказательство бабка открывает корзинку, доверху наполненную ягодами. Похоже на черную смородину. А корзина вроде бы сплетена из лыка. Таких сейчас не делают.

Слишком много странностей. Не должно быть старушки в

таком отдаленном, безлюдном месте. Выглядит она необычно и говорит вроде по-русски, но старомодно, что ли. В деревнях, конечно, своя манера речи, но «надобно», «врачевание» – это чересчур.

Петр не прекращает анализировать. Сказываются долгие годы на оперативно-следственной работе, а в последнее время – в статусе частного детектива. Между тем глаза старухи опять вспыхивают неприкрытой злобой. Черный взгляд будто просверливает его насквозь, норovia уничтожить.

Он понял, почему это противоречие так сильно его тревожило: старушка стояла перед ним маленьким светлым комочком с корзинкой ягод в руках на фоне темной серо-зеленой местности. Будто ее не должно было быть здесь: она слишком контрастировала своим положительным образом на фоне осеннего холодного мрака. И вот опять глаза: в очередной раз поменяли свой цвет. Его снова буравили две космически огромные черные дыры, где отражалось такое же бесконечное угольное небо и холодное озеро. Он кожей чувствовал, что с глазами что-то не то. Ему казалось, что они смотрят на него с открытой ненавистью и злобой, готовые уничтожить его.

– Я не еду на тот берег.

Инстинкт самосохранения дает о себе знать, не пуская детектива на ту сторону вместе со странной бабкой.

– Петрунечка, у меня детки сильно болеют. Одной мне никак быстро не добраться до Макарьево. Только на лодке

можно попасть на тот берег. Ох, тревожусь, что не доживут до утра мои кровинушки, мои детушки, если я им отвара из черных ягод не приготовлю.

Петр еще раз глядит на старуху, готовый развернуться и уйти, как вдруг замечает, что глаза у нее снова изменились – стали серо-зелеными, а взгляд – мягким и добрым, как у его бабушки.

– Что за... – бурчит он себе под нос, не понимая природу этой метаморфозы. – Показалось, что ли?..

Это Петр произносит громче, и диковинная бабка слышит.

– Что, милоч, что показалось-то?

– Глаза... У тебя цвет глаз меняется. Только что черными были!..

– Да ты что, Петрунечка, у меня всегда глаза были серо-зеленые. Это от матушки моей. А той от ее матушки достались. У нас в роду по материнской линии у всех такие глаза. Правда, раньше мои были гораздо красивей...

Бабка грустно вздыхает – видимо, вспоминая молодость.

– Ладно, пошли искать лодку, – сдается детектив.

Как только Петр отворачивается, глаза женщины опять становятся бесконечно черными, но он этого не видит.

Утлое суденышко прячется за грудой камней. Сыщик недоверчиво осматривает старую посудину.

– Нашел. Ох, не нравится мне это.

– Что тебе не нравится, Петрунечка?

Почему Петр позволяет ей так себя называть? Маленьким он обожал, когда его так звала бабушка, но с тех пор столько воды утекло. От того парнишки ничего не осталось – на мир смотрят усталые циничные глаза сорокалетнего Петра Сергеевича, повидавшего многое. Он поставит на место любого, кто подумает обращаться к нему иначе. А тут – Петрунечка... Детектив не узнает сам себя.

– У лодки дырявое дно. Она даже не двинется с места, сразу потонет.

– А и ничего страшного! – бабка не думает сдаваться.

– Как же мы доберемся до берега? Больше тут ничего нет...

– А ты возьми меня к себе на плечи и перевези на ту сторону, – ровным, чуть заунывным голосом произносит старуха.

– А как же твоя корзинка с ягодами? На моей спине точно не хватит места для тебя и твоей поклажи.

– Об этом не беспокойся. Хватит-хватит.

– Что?!

Петр собирается окончательно послать ненормальную куда подальше, но что-то его останавливает. Он вдруг понимает, что не может произнести ни слова. Рот открывается, а оттуда – только мычание.словно он теленок, а не взрослый мужчина. А потом и этот звук исчезает. От неожиданности или испуга – или из-за всего сразу – детектив замирает и в немом ужасе таращится на старуху.

– Ну раз у тебя, Петрунечка, нет больше вопросов, то поехали. Путь не близкий, а тебе еще меня тащить надо.

Петр жестами пытается ей втолковать, что никуда не пойдет – вернее, не поплывет, – и замечает, что глаза бабки вновь поменяли цвет: с серо-зеленого опять стали глубокими колодцами, искрящимися черной злостью.

Старуха удивительно быстро и ловко для своего возраста вскарабкивается Петру на спину и гонит его в озеро. Детектив чувствует, что она очень тяжелая, словно каменная, и понимает, что не проплывет и двух метров с такой ношей. Как такая маленькая женщина может столько весить?

Вода доходит почти по грудь, а груз давит так, что спина и шея начинают невыносимо ныть. Петр собирает все самообладание и поворачивается к бабке. Он хочет сказать, чтобы та убиралась прочь. Но, повернув голову, Петр видит, что старуха сильно изменилась. Лицо вытянулось, приобрело серо-болотный оттенок, сравнявшись цветом с ледяной гладью озера. Глаза, занимающие теперь почти треть физиономии, стали еще злее. Такой бесконечной черноты, поглощающей любой отблеск света и надежды, он прежде не встречал. Седые волосы растрепались и выбились из-под платка как змеи, норвя залезть в глаза и уши детективу.

– Хорошо, что ты пришел сюда! – шипит бабка прямо ему в лицо, и Петр замечает, что вместо зубов у нее во рту растут длинные и острые шипы. Старуха больше походит на монстра, чем на человеческое существо.

Петр пытается собраться с мыслями, чтобы окончательно не погрузиться в пучину паники и страха. Он со свистом втягивает воздух, хочет что-то ответить чудовищу на своей спине, и тут цветастый платок медленно сползает с головы старухи и превращается в огромную красную змею. Та неспешно скользит упругим телом к его шее. Петр чувствует, что чем больше ему хочется вдохнуть, взять под контроль ситуацию и самого себя в этом сизо-зеленом мраке, тем быстрее уходит жизнь.

Петр делает последнее отчаянное движение, чтобы спастись от смерти, пытается закричать, взмахнуть руками и... просыпается в холодном поту. Голова чугунная и гудит, как с похмелья. Горло болит – он физически чувствует на шее отпечатки рук, словно кто-то его душил. Он пытается встать, но от слабости сразу же падает в постель...

В этот раз из кошмара его вырвал звонок телефона. Трель отдалась в мозгу болью, отрывая детектива от кошмарных сновидений и силой возвращая в реальность.

– Алло, – свой голос Петр не узнал. В голове словно катался чугунный шар, гулко рикошета о бортики бильярдного стола.

– Петр Сергеич, разбудил? Извини, но тебе придется собраться и поехать. У меня к тебе есть одна личная просьба, – бодро проговорил голос в трубке.

Андрей Андреевич Ведищев, давний друг и бывший начальник, мог себе позволить звонить даже ночью. Они с Пет-

ром были обязаны друг другу жизнью.

– Сейчас пять утра. Кому и на кой черт я мог понадобиться?

Откровенно говоря, Петр не возражал против свежих впечатлений.

– У моих друзей большие неприятности. У них погиб отец – крупный фермер и достаточно известный человек у себя в деревне.

– В деревне? – Петра триггернуло так, что он окончательно проснулся. Даже боль в висках утихла.

– Ну как, в деревне... Скорее, на выселках, но недалеко от города, – начал выдавать детали Андрей.

– Еще лучше. Только этого не хватало.

– Что? Ты уже что-то знаешь?

– Андрей, не томи, ничего я не знаю. Просто, похоже, остатки сна.

Петр понимал, что сейчас не время и не место, чтобы грузить друга рассказами о своих кошмарах. Тут явно дела поважнее его тонкой ментальности. Детектив уже взял себя в руки. Он был стопроцентно уверен, что кошмары – дело, конечно, малоприятное, но в реальность они точно не выскочат. Со своими фантазмагориями он рано или поздно разберется. Деревня, свежий воздух как раз ему и помогут. Проведет пару деньков вне города и его суеты – и сразу почувствует себя здоровым и отдохнувшим. Он уже готов был прыгнуть в свой любимый «Форд Эксплорер» и помчаться навстречу

новому дню.

– Смотри, Петь, рядом с Макарьево есть небольшая деревенька. Точнее, раньше была. Там давно почти никто не живет, кроме пары семей дачников.

Они навещают туда в выходные и праздники, когда тепло или дорога не разбита распутицей и можно проехать на машинах. И фермер этот самый там жил. У него там хозяйство и поля. Мужик хозяйственный, как говорят, соль земли. Так вот, беда с этим фермером. Погиб он. У следствия основная версия – несчастный случай. Но дочь в это не верит. В общем, пока идет расследование, надо тебе частным образом разобраться. Вознаграждение обещают очень приличное. Ты же давно хотел в отпуск рвануть. Судя по озвученной мне сумме, сможешь охватить все теплые моря вместе взятые, а на сдачу еще и в Арктику, на Баренцево, скататься.

Но Петр прохладно отнесся к информации о неминуемо надвигающемся шикарном отдыхе. Он слушал и не верил, что вот так, в совершенно обычный день, точнее ранним утром, получит новости из родного края. Хотя для таких печальных вестей нет и не может быть каких-то особых дней. Он уже знал, о ком говорил Андрей: с Михаилом они знали друг друга с детства и были «закадыками». Пацанами гоняли в футбол, ездили на отцовских тракторах, воровали яблоки у соседа, вместе мечтали попасть в армию и дослужиться минимум до генералов. Как это часто бывает, детские мечты остаются в детстве – где-то рядом с самыми вкусными блин-

чикам, которые могла испечь только мама. Потом их пути разошлись: Петр уехал в город, чтобы поступить на юридический. А Михаил после армии вернулся домой, обзавелся крупным хозяйством и стал уважаемым человеком у земляков. Его авторитет и слово ценились выше обещаний местных властей. Наверное, и врагов немало нажил.

Был один случай, который Петр запомнил на всю жизнь, но никогда и никому не рассказывал. Однажды их с Мишаней на очередном воровстве яблок поймала соседская собака. Пес был не обычный – огромный и злощный, из тех, кого боялись все. Сложно сказать, к какой именно породе принадлежал этот мамонт, но в его предках наверняка числились демоны – в том деревенские обитатели не сомневались. Местные верзилы – и те предпочитали обходить Бурана стороной, даже когда зверюга сидела на цепи. А на привязь цербера сажали не часто – только когда Буран это позволял.

И вот как-то Петя с Мишей, проходя мимо сада Макара Алексеича, вспомнили, что у него растет яблоня, на которой созревают самые аппетитные в мире плоды. Огромные, красные, сочные. Достать такие – мечта любого пацана, особенно того, кто вырос в свободных деревенских условиях. Это же двойной праздник: с одной стороны, тебя ждут азарт и приключения, а с другой – еще и приз: вкуснящие яблочки. Какая мальчишеская душа останется равнодушной?! Вот и Петя с Мишей не могли удержаться. Что воровать яблоки – нехорошо в принципе, их заботило мало, да других и серьез-

ных препятствий к лакомству они не видели. Разве только Буран – чудовище в образе пса. Друзья не знали, что в тот раз Макар Алексеич решил дать волю животному.

У них имелась «своя» доска в заборе, через которую легко было проникнуть на соседский участок к заветной яблоне. Со стороны не было видно, что доска сломана, поэтому хозяин даже не догадывался, как часто мальчишки лазили к нему и воровали яблоки.

Темнело, вокруг ни души. Маленькие юркие фигурки почти растворились в сумерках, но и ребятам было нелегко кого-то заметить в надвигающемся сентябрьском мраке. Это и стало решающим фактором.

Едва Буран учуял, что во двор забрались воры, в нем пробудились два древних инстинкта: выследить добычу и убить. Когда пес увидел, что жертва не одна, инстинкты разыгрались сильнее. Буран затаился в кустах и стал выжидать лучший момент для нападения. Свирепостью он больше напоминал волка, чем домашнюю собаку, так что для него это была самая настоящая охота. Его целью было убить, а не пугнуть или позвать хозяина. Тем более что хозяином пес считал совсем другого...

Между тем мальчишки добрались до яблони и теперь решали, кому лезть на дерево первым. Они не знали, что находятся всего в полуметре от монстра, который держит их на своем дьявольском прицеле, ничем себя не выдавая. А пес будто играл с ними или ждал от кого-то команды.

Солнце зашло, стало совсем темно, в небе показались отблески зарницы. Внезапно быстро похолодало. Парнишки даже отвлеклись от яблони, почувствовав, как мороз пробрался под одежду. Вроде только начало сентября, и тепло еще держалось с лета, так откуда взялась такая холодрыга? Кроваво-красные всполохи как будто добавляли inferнальности, но мальчишки были слишком юны, чтобы обратить внимание на эти тревожные знаки судьбы.

– Мишаня, ты не замерз? – Петя решил схитрить и плавно подвести товарища к проблеме. Мальчик зябко ежился в футболке и начинал подумывать, что с затеей пора завязывать.

– Совсем нет, – Миша и сам стучал зубами от холода, но легко раскусил уловку друга.

– Так, ладно. Пока мы тут оба в сосульки не превратились, давай лезть на яблоню, – примирительно сказал Петя, подумав: раз его друг такой храбрый, то и он сможет. Он же мужчина.

– Ты видишь тот нижний сук? Я до него допрыгну и ухвачусь. Как только я повисну и крикну «давай», ты схватишься за мои ноги и по мне заберешься на яблоню. А потом подтянешь меня на дерево. Идет?

Миша придумал отличный план, да и Петя уже готов был согласиться на что угодно, лишь бы быстрее закончить дело. Он совсем закоченел. «И как только Мишаня не мерзнет?» – вертелось в голове мальчика. Но друг есть друг и надо идти

до конца.

И вот Мишка ухватился за ветку и повис. Закрепившись, он решил, что сук надежный и спокойно удержит двоих, и крикнул другу, чтобы тот лез на него.

Петя подпрыгнул и ухватился за ноги друга. За мгновение до того, как он собрался карабкаться по Мише вверх, рядом раздался громкий шорох. Петя обернулся и застыл от ужаса: из кустов на него выскочила огромная черная собака с серебристыми подпалинами и с белоснежным оскалом.

Пете хватило секунды, чтобы взлететь на дерево. Он протянул руку Мише, чтобы помочь другу забраться на безопасную высоту. Пес прыгнул, но промахнулся, не успев ухватить никого из ребят, и зарычал. Рык Бурана напоминал волчий – такой же гулкий и страшный. Парни инстинктивно прижались друг к дружке. Поняв, что добыча слезать не собирается, монстр улегся под деревом, притих, но не перестал, злобно ощетинаясь, наблюдать за мальчишками.

Несколько раз цербер принимался рычать, словно понимал, что пацанов это сильно пугает. Казалось, ему это нравится. Для Бурана охота превратилась в игру, и он собирался ждать до конца и победить.

Мальчики просидели на яблоне всю ночь, прижавшись друг к другу – то ли от ледяного холода, то ли от страха перед ужасным зверем, то ли от осознания, что надежды на спасение нет. Пес ни на секунду не опустил голову и изредка грозно порывивал, глядя на испуганных воришек.

Понемногу светало: черное небо становилось сизым, подкрасилось розоватыми отблесками рассветных лучей. С земли начал подниматься туман. Белесая дымка заволакивала все пространство вокруг, и даже страшный Буран уже не казался таким черным – он будто растворялся в тумане.

И вдруг пес громко завыл, совсем по-волчьи, протяжно. Мальчишки не сомневались, что так воют волки: оба ходили на охоту с отцами и кое-что понимали в звериных звуках. От неожиданности они крепко обнялись, желая почувствовать дружеское присутствие и хоть какой-то намек на надежду.

– Мишаня, ты слышишь это? – Петя хотел убедиться, что все это не галлюцинации после ночной дремоты.

– Не может Буран так выть. Он ведь пес, а не волк, – пробормотал его товарищ.

– А ты в этом уверен?

– Не говори ерунды. Он же на цепи, у Макар Алексеича сторожит, значит, это дворовая собака, – пытался успокоить себя и друга Миша.

– Ну да, – Петя подумал, что пора брать себя в руки и не поддаваться страху. Он же мужчина. Девчонки узнают – засмеют.

Вой прекратился так же неожиданно, как и начался. Вдруг на расстоянии метра от пса, из кустов, где раньше в засаде сидел Буран, из тумана выплыла еще одна темная фигура. Мальчишки могли поклясться, что странный силуэт именно выплыл, потому что ног они не видели.

– Мишаня, смотри, у него что, ног нет?

– Не-не знаю, – Миша начинал терять мальчишеский запал: у него от холода и страха стучали зубы.

– Да ну не, не может быть, – Петя окончательно овладел собой, чувствуя ответственность и за себя, и за товарища. – У нас тут просто высоко и темно, а из-за тумана плохо видно.

Странная фигура не стала приближаться к ребятам, свистом позвала собаку и поплыла к деревьям на окраине сада. Буран с готовностью вскочил и побежал на зов. Мальчишки толком ничего не разглядели, только услышали мужской голос, очень низкий и гулкий, как будто кто-то уронил в глубокий колодец монетку, и она падает в бездну, ритмично, с раскатистым эхом ударяясь о края. Это голос сказал псу:

– Пойдем, мой мальчик, еще не время. Он еще не готов.

Потом мужчина и собака исчезли совсем. Мальчишки испуганно переглянулись, и Петя нарушил тишину первым:

– Мишаня, ты видел, какие у него глаза? – Петя еще приходил в себя от увиденного. – Ага, какие-то огромные и черные. Так разве бывает?

– Может, он это... больной? Слушай, а может, это Макар Алексеич? Мы просто не узнали его в темноте?

– Не похоже, Петь. Это какой-то Темный. Не знаю, как назвать.

– Да, наверное. Знаешь, а давай сейчас поклянемся друг другу, что никому и никогда не расскажем, что видели?

– Думаешь, что нам за яблоки попасть может?

– Не нравится мне этот Темный. Вот ты мне скажи, почему его Буран, как хозяина, слушается?

– Точно! Давай. Заруба на век – никто и никогда не узнает, что мы видели и делали сегодня.

Мальчишки слезли с дерева и скрепили клятву по-взрослому крепким мужским рукопожатием. И оба сдержали обещание: никто о том случае не узнал.

Глава 2. Макарьево

Петр любил раннее утро на трассе. Основной трафик начнется не раньше восьми, а сейчас на часах пять минут седьмого. Из машин на дороге лишь одиночные фуры, да и те – редкие залетные птицы. Поэтому можно не только смотреть на угольно-черный асфальт и в зеркала заднего вида, но и наслаждаться осенними пейзажами под уважаемый еще с юности блюз-рок.

Он остановил «Форд Эксплорер» и вышел, звонко чиркнул зажигалкой и глубоко затянулся. Ему хотелось, как алхимику, смешать сигаретный дым и обжигающий октябрьский морозный воздух. Дым от первой затяжки вышел через ноздри. Он затянулся еще пару раз, прежде чем увидел, что столбик пепла с сигареты упал на его шикарные казаки. Это была его любимая обувь. Он не изменял ей, даже когда работал в органах, за что Андрей Андреевич часто ругал подчиненного. Казаки в уставную форму не входили, но Петру нравилось бряцание металлической цепочки по коже сапога и каблук. Он ничего не мог с собой поделаться. Этот звук давал ощущение, что он свободен. Всегда был и всегда таким останется. Сигарета и казаки – как символ его внутреннего стержня и самодостаточности. «Да, я служу в органах, но я сам по себе. Ничто не может этого изменить», – тогда это была его Cuba Libre, собственно, за глаза его так и называли

его сослуживцы. Жизненное кредо. О том же говорили и его вечная ухмылка в уголке рта, и независимый стиль расследования. Он так и не сработался ни с одним из коллег в отделе. Как будто всем своим видом он кричал «За свободную Кубу!» и был готов отстаивать этот девиз, как повстанцы в горах Сьерра-Маэстро. А где-то на фоне играла знаменитая песня сестер Эндрюс про этот легендарный сладковатый напиток.

Только в октябре небо такое голубое и пронзительное – конечно, если нет облаков. Почему? Физического объяснения этому явлению Петр не знал, но нашел свою философию. Октябрь – последняя возможность насладиться уходящим теплом и ярким солнцем. Это как сорок лет у человека: ты уже знаешь, что молодость с ее необузданностью и спонтанностью прошла, но еще остается безграничная уверенность в себе, своих силах, своем жизненном опыте.

Солнце с самого утра светило ярко. Оно стремительно окрашивало деревья в желто-красную палитру, но уже не грело, как бы намекая, что это все и тепла ждать не стоит. Зимой нас ждет только ледяное светило. С другой стороны, оно давало надежду. Никак не верилось, что такого аквамарина больше не будет. Да, пора готовиться к пасмурным дням и белесой стуже – на месяцы, а возможно, и дольше. Но все-таки солнце и краски вернутся весной. Может, ты ее уже не застанешь, но после тебя останутся другие, которые точно дождутся тепла и света. В этом и заключается великая при-

родная мудрость в необходимости смерти и последующего перерождения.

«Что вижу я сейчас на этом небе? – думал про себя Петр. – Что принесет мне это дело?»

Странно. Обычно он знал ответ. Было это каким-то волшебным инстинктом или профессиональным чутьем, но он всегда знал, чем обернется для него новое расследование. Станет оно победой или поражением, даст что-то или, наоборот, заберет, приведет кого-то нового в его жизнь или отнимет. А сейчас он не был уверен – все было как в тумане, интуиция молчала. Это сильно озадачивало Петра, выбивало из колеи. Он успокоил себя тем, что дар предвидения подточили ночные кошмары.

– Какая уж тут интуиция, если почти каждую ночь просыпаешься с чугунной головой. Может, Андрей прав и стоит выбрать, к какому морю ехать?

С мыслью об отдыхе детектив сел в машину и уже почти уговорил сам себя куда-нибудь рвануть после этого дела.

За окном сменяли друг друга однообразные пейзажи. Рассветное солнце скрывалось в тучах, и ландшафт сразу выцвел, окрасившись в однотонно-серый. Петр не сразу заметил, что по мере приближения к Макарьево небо становилось угрюмее и темнее, по-осеннему грузным. Все вокруг казалось беспросветным, словно мрак отражался в деревьях, домах, животных, людях.

– Хоть бы дождь заморосил, было бы не так муторно, –

Петр начинал склоняться к тому, что ничего хорошего его не ждет. Особенно после таких новостей и кошмаров.

Наконец-то унылая трасса начала сменяться деревнями. До Макарьево дорога проходила через четыре небольших поселка. Настроение Петра немного улучшилось: разноцветные домики разбавляли безликий серый пейзаж. Деревушки выглядели пустыми – только одинокие путники да местные на велосипедах. Но это нормально: по осени празднично сидящих на завалинках или гуляющих среди бела дня тут отродясь не наблюдалось. Люди занимались делами: кто в доме, кто на огороде или заднем дворе, кто в поле. Это вам не город, где можно целый день горбиться за компьютером и вздыхать, а на селе кругом бесплатный фитнес-зал, да еще и на свежем воздухе. Рай для упоротых зожников, если, конечно, они не чувствительны к однообразию, тяжелой работе и ограниченности в общении. А чтобы жить в деревне, и правда, нужна хорошая физическая форма. Только вряд ли полевые работы можно приравнять к модным тренировкам. Городской житель проведет в спортклубе часок в свое удовольствие, а потом с чувством выполненного долга топает в душ. А тут повкалывал час – шагаешь пахать дальше. Можешь водички в перерывах попить. Зато вечером банька – с условием, что ты ее построил. На любой чих нужна сила, выносливость и готовность к вечной борьбе за комфорт.

Петр подъезжал к Макарьево – родной земле, где он не был много лет. Родители тоже давно перебрались в город, по-

этому даже повода не было сюда заглядывать. Да, сердце екнуло... Вспомнилось босоное беззаботное детство. Вспомнилась любимая бабушка – детектив как будто услышал ее ласковый голос:

– Петрунечка, ты куда убежал? Опять с Мишкой носились в полях?

А вот и деревянная церквушка. Петр хорошо помнил ее: они с бабушкой частенько наведывались туда. Бабушке жалко было будить внука с первыми петухами, поэтому обычно они ходили на позднюю литургию. Хотя Петя больше любил именно ранние службы. Он помнил, как они вставали затемно, как стояли в полупустом храме. Народу в церкви было не много, потому что рабочий день в деревнях начинается рано. Да и не особо религия тогда поощрялась, хотя местные власти относились к службам спокойно. Но у бабушки был свободолюбивый характер, который и передался внуку – все делать по-своему, без оглядки на мнение окружающих. Она всегда учила Петрунечку думать только своей головой, говорила, что никто не пройдет тот путь, который предназначен ему. Никто в равной степени не поймет его печалей и радостей, никто не поднимет тот груз ответственности, который уготован ему, никто не испытает то счастье, которое отмерено на его веку. Но и отвечать за это будет только он один.

Здание церкви было небольшим и мало напоминало классический православный храм. Так, скорее избушка с зелеными куполами-маковками. Ее и построили относительно

недавно, где-то в пятидесятых годах прошлого столетия. И это, на самом деле, удивительно, учитывая, что к тому времени почти все церкви были или уничтожены, или эксплуатировались как зернохранилища, склады, библиотеки, дома культуры и прочее. А тут невиданный факт – как-то получилось при непростой политической ситуации деревенским жителям договориться с местной поселковой властью. А когда приходили проверки из города или из столицы приезжали, то обычно случался такой диалог:

– Что это тут у вас, церковь отстроили? Кто позволил?

– Да какая ж это церковь? Помилуйте! Это так, прийти с местным старцем переговорить о своих проблемах. Он помогает нашим мужикам в запой не пуститься.

К слову, в поселке тогда действительно не водилось запойных пьяниц, жили трудяги, честно работали, планы в колхозе выполняли исправно. Этот колхоз при Макарьево даже миллионником считался. По всем показателям – настоящие передовики производства. Кроме церквушки и придраться-то к деревенским не с чем было, да и незачем. Вот проверки и стали приходиться все реже, потом и вовсе прекратились. Петр даже не помнил, кто решил воздвигнуть эту церквушку и на чьи деньги. Не задавался он по малолетству этим вопросом. Как будто всем миром строили.

Петр решил остановиться у храма, заодно и свечку за Мишаню поставить. Он вышел из машины, повернулся к ней, чтобы включить сигналку. Форд в ответ утвердительно кряк-

нул, и Петр понял, что можно идти. Он развернулся и обомлел.

Из церкви выходил человек, квадратный во всех смыслах слова. Детективу, конечно, приходилось сталкиваться с инвалидами, с людьми, страдающими разными физическими и ментальными расстройствами. Но индивидуума с таким уродством Петр еще никогда в жизни не видел и представить не мог, чтобы он был способен как-то адаптироваться в обществе. Тем более в деревне, где нет должного медицинского ухода и присмотра. «Скорее всего, у него есть заботливые или обеспеченные родственники», – с надеждой подумал сыщик. Петр даже не сразу сообразил, что откровенно тарашится на удивительного в своем безобразии незнакомца, до конца не понимая собственные эмоции. Долгая дорога давала о себе знать: детектив потянулся в карман за куревом. Механически нащупал зажигалку, поднес сигарету к губам и с жадностью затянулся.

Тот, перед кем Петр застыл, был невысокого роста и невероятно широк в плечах. Ноги короткие, таз массивный, огромные мускулистые руки, непропорционально крупная голова, темные длинные выющиеся волосы, лицо покрыто красными пятнами. У Петра даже возникла нелепая ассоциация с материками, настолько эти пятна были большие и бесформенные. Потом он себя одернул, но выбросить этот образ из головы уже не мог. Человек перед ним не был полным, просто необычное строение туловища делало его фигуру со-

вершенно квадратной.

Но через пару мгновений в глаза бросались уже не пятнистая физиономия и необычные пропорции тела, а то, что человек держал в руке. Лицо такое же широкое, как и верхняя часть туловища, было круглым, с большими карими глазами. Вернее, с одним большим здоровым карим глазом. Второй свисал на какой-то тонкой ниточке – то ли лоскуте кожи, то ли на зрительном нерве – прямо в ладонь инвалида. Тот держал глаз спокойно и как-то отстраненно. Создавалось впечатление, что эта «особенность» никак не мешала уродцу, скорее он относился к ней как к данности, как, например, обычные люди, когда им нужно нести из магазина сумку с продуктами. Что ж, кто-то носит сумки, а кто-то – глаз.

Квадратный Человек пристально следил за Петром здоровым глазом. Казалось, этот орган – единственное, что у бедняги было здоровым, поэтому наблюдение получилось прицельным. Он так сверлил детектива взглядом, что тому стало не по себе. Петр даже на мгновенье подумал, что его новый знакомец пытается прочесть или уже читает его мысли. Это как проверка рентгеном сканера в аэропорту: он никак с тобой не связан и никак не соприкасается, но точно знает, что у тебя внутри и с чем ты к нему пришел.

Петр оправился от шока и уже хотел заговорить с инвалидом, но тот его опередил:

– Ты знаешь, каково это – в клетке торчать? Когда ты как птица, которой нужно летать и радоваться жизни, а ты

просто бьешься головой о каменные стены и не можешь выбраться? Когда ты видишь небо, ты знаешь, что небо там, а выбраться из клетки не можешь? Ты кричишь во весь голос, но никто тебя не слышит? Ты понимаешь, как это сводит с ума? А потом ты медленно и мучительно умираешь в своем глухом одиночестве, – громко прокричал уродец.

– Что? – Петр явно не ожидал такого начала разговора.

– Найди того, кто в клетке сидит!

С этими словами Квадратный Человек поднял вверх палец и пристально посмотрел на оторопевшего детектива. Потом он быстро развернулся и рванул вдоль по улице. Такой прыти Петр тоже не ожидал. Ему-то казалось, что уродец будет еле тащиться, перебирая коротенькими ножками и спотыкаясь о висящий на тонкой ниточке глаз. Но калека оказался невероятно проворным и гибким. Закинув глаз за спину, он стремительно скрылся из виду, оставив сыщика в большом недоумении.

А Петру было над чем подумать. Таких уродств он еще никогда не видел и не понимал, как столько отклонений могут совмещаться в одном человеке, совершенно не мешая ему в физических действиях. Но, похоже, бедолага страдает ментально: выкрикивает странные вещи, пялится на прохожих.

– А может, в этом есть своя логика? – рассуждал сам с собой детектив. – Да, с точки зрения здравого смысла, он выкрикивал какую-то непонятную чушь. Но с другой стороны... Ведь такие изъяны не позволили бы двигаться со ско-

ростью и грацией дикой кошки и вообще ходить самостоятельно. А этот несчастный так от меня сиганул, что ему позавидовал бы сам Усейн Болт. А что, если предположить, что этот товарищ говорил не какой-то бессвязный бред, а намекал на конкретные факты, имеющие отношение к?.. К чему? Ко мне, к делу? Что это значит? Если, конечно, это действительно что-то значит...

Когда впечатления от встречи со странным церковным юродивым улеглись, Петр вернулся к реальности и почувствовал приятный аромат свежей выпечки. Он вспомнил, что сегодня не завтракал. Просто сразу же после звонка Ведищева прыгнул в машину и поехал в Макарьево. Не было аппетита, зато было желание быстрее со всем разобраться. Петр огляделся и увидел небольшой угрюмый домик с вывеской «Магазин потребительских товаров». Правда, в надписи отсутствовало сразу несколько букв, но прочитать название было несложно. Оттуда и шел умопомрачительный запах булочек.

Детектив был уверен, что печальную историю с гибелью Мишани где только и как только в Макарьево ни обсуждали. Конечно, будет много слухов и откровенной ерунды, но начинать с чего-то надо.

– Значит, отсюда и начнем. Заодно и позавтракаю, – Петр уже предвкушал, как купит пирожков с пылу с жару и разговорит местную продавщицу на подробности.

Раздумывая об этом, Петр бросил сигарету и вошел в

«Магазин потребительских товаров». Внутри царил полумрак: шторы занавешены, горели только электрические светильники, расставленные по периметру. В витрине иллюминация с теплой подсветкой выхватывала из темноты продукты и бытовую химию. В углу около кассы стояла маленькая настольная лампа. Около нее лежала большая потрепанная тетрадь, на которой еще можно было прочесть стандартную надпись «Для записей». Несмотря на обилие искусственного света и необычного сумрака, в помещении чувствовался уют. В какой-то момент детектив решил, что комната больше похожа на холл элитного массажного салона, куда гости приходят отрешиться от всего, что связывает их с реальностью.

Петр сразу же увидел янтарную свежеиспеченную выпечку. После изматывающей ночи и двух часов за рулем он продал бы душу за чашечку кофе и пирожок с мясом.

– Доброе утро. А с чем у вас пирожки эти? – Петр указал на три подноса с выпечкой. Он мог поклясться, что видит, как от них идет пар.

– Петя, это ты, что ли? – красивая блондинка смотрела на детектива, слегка щурясь, будто пытаясь разглядеть его получше.

– Да... Я вас знаю? – Петр тоже пригляделся к женщине за прилавком. Вроде знакомое лицо, но он не мог вспомнить, кто это.

– Петя, это я, Маля, Маланья Артемьева. Помнишь? Дом моих родителей стоит рядом со школой.

Петр помнил этот большой и богатый дом. И гостеприимный. Ребятишками они всей ватагой частенько забежали к Антону Макарычу и Прасковье Андреевне после уроков полакомиться чем-нибудь вкусненьким. И ведь каждому доставалось несколько вкуснейших коврижек, растягаев, булочек, шанежек и много чего еще, несмотря на то, что мальчишек в компании было семеро. И младшую дочку Артемьевых он хорошо помнил. Маля была младше их всех, поэтому пацаны считали ее несмышленьким и редко брали в свою компашку. Но девчушка была живчиком и постоянно крутилась возле взрослых ребят, особенно возле Пети. Или ему это тогда только казалось?

– Маля, конечно помню. Похоже, талант печь пироги тебе передался от Прасковьи Андреевны.

– Да, что есть, то есть. Каких тебе? У меня тут с мясом, сладкие и с луком-яйцом.

– Два с мясом. А кофе есть?

– Вообще-то я не делаю кофе, это все-таки магазин. Но мы давно не виделись, почему бы и не угостить тебя вкусным кофе? Небось с дороги-то?

– Да, я к вам по делу. Слышала, наверное, про несчастье с Михаилом?

– Как не слыхала, об этом все Макарьево только и судачит. Мишаня не раз уж в гробу перевернулся. Покою не дают. ... Ну, пойду кофе поставлю.

Маля ушла, а Петр поймал себя на мысли, что очарован ее

певучим деревенским говором. Но только ли говор заставил его засмотреться на женщину? Маланья была хороша собой, ухожена, задорная улыбка не сходила с ее губ, а морщинки в уголках глаз только добавляли прелести.

– А вот и кофе, – Маля вынесла внушительный поднос. Кроме кофейника, там стояли тарелки с нарезанной колбасой, сыром и вазочки с несколькими видами варенья.

– Я должен на тебе жениться после этого, – Петр мурлыкал от удовольствия, как большой голодный кот.

Маля не ответила на шутку, только сверкнула недобро серо-зелеными глазами.

Петр в один присест проглотил пару пирожков и потянулся к кружке.

– Я ожидал максимум пакетик «три в одном», а тут еще и кофе вкусный. Прасковья Андреевна, помню, не любила его и не готовила, – Петр искренне радовался, что в глубинке может наслаждаться ароматной амброзией. Детектив был ценителем этого напитка.

– Верно. Мама кофе не признавала, считала его колдовским зельем. Поэтому и не любила. Странилась она всех этих черных дел, как она их называла.

– А что, был повод сторониться?

– Деревенские все верят в нечисть. Для нас это так же очевидно, как для вас интернет и оплата телефоном.

– А у вас, я смотрю, оплата все еще идет через тетрадку. Такого в городе точно нет, – Петр взглядом указал на тет-

радь, которая лежала около кассы и лампы.

– Мы живем от получки до получки, и мне нужно подстраиваться, если хочу держать тут свой магазин.

Женщина с легкой грустью посмотрела на тетрадку, обвела глазами уютный маленький зал. Было заметно, что в магазин она вкладывается и очень его любит. И терять совсем не хочет. Неожиданно Маля сменила тему:

– Петя, а ты тут какими судьбами? Вряд ли просто так приехал сюда через столько лет?

– Я по поводу Миши. Расследую в частном порядке его гибель, – Петр решил не скрывать причину приезда и сразу приступил к делу, тем более случай сам подвернулся.

– Так ты не следователь и я не обязана тебе ничего рассказывать? – Маля прищурила глаза, в которых опять промелькнул недобрый огонек.

Такого ответа Петр не ожидал. Он был уверен, что, как и все деревенские, хозяйка магазина не прочь посплетничать и старый знакомец станет для нее очередными «ушами» для небылиц, которые детектив собирался делить на два.

– Что ты так помрачнел-то? – усмехнулась Маля. – Да расскажу, что знаю. Все ж таки не чужие друг другу люди. Пойдем-ка выйдем к заднему крыльцу.

На пороге она достала пачку сигарет, чиркнула зажигалкой и закурила.

– Будешь?

– Как ты догадалась, что я курю? – в Петре проснулся про-

фессиональный интерес.

– От твоих волос идет стойкий запах табака.

– Да? Не замечал. Мне никто раньше не говорил, что от меня табаком разит.

– Не разит, твой дорогой парфюм все перебивает. Сандал хорошо перекрывает табак, я бы сказала, нейтрализует. Ты хорошо подобрал сочетание ароматов. И так-то у тебя из кармана торчит краешек зажигалки.

– Ааа, ты меня провела? – Петр довольно улыбнулся, поняв, что его, как мальчишку, обвели вокруг пальца, и все гораздо проще, чем кажется. – Я уж поверил, что у тебя нюх как у собаки.

– Продолжим? – Маля вроде бы не прореагировала на слова Петра, но когда сыщик прикуривал той самой зажигалкой, женщина задорно улыбнулась.

– Да, так что случилось с Михаилом?

– На самом деле, я знаю немного. Я же не была там, когда горела баня. Откровенно сказать, я на Выселки и не езжу. Незачем оно мне. Но наши шепчутся, что пожар случился ночью, когда там и не было никого. Говорят, пошел Мишка после работы топить баню, сначала угорел от газа, потерял сознание, а потом и сам Богу душу отдал. Скорее всего, умаялся в полях-то, не так задвижки и выставил, гарь-то и пошла. А может, и вовсе пьяный был, отключился резко от жара – и все, не проснулся больше. Так и умер.

– А как сама баня загорелась? Просто от газа пожар ведь

не вспыхнет? Угореть Миша мог, но не сгореть же?

– Говорят, месяц назад на озере шли сильные дожди и ураган случился такой, что у Мишки на бане и беседке, что рядом, крыши поносило. А у фермера-то сезон. Он ночью после работ в поле восстанавливал крышу для беседки. Ну, к нему часто гости приезжали – рыба, шашлыки, понимаешь? Сидеть где-то надо. Вот беседкой-то он и занимался.

– А баня, выходит, не нужна?

– Ну, может, не так сильно. Тем более фермеру-то что: испачкался – помылся в озере, отрубился спать. А утром часов в пять встал и сразу на трактор в поле. Некогда крышей в бане заниматься. И месяц, может, чуть меньше, баня так и простояла без большого куска крыши. А дожди-то лить продолжали. Потом-то у него, конечно, руки и до бани дошли – через месяц, когда с полями закончил. Зато, сам понимаешь, проводка от дождей намокнуть успела. И вот в ту страшную ночь все как-то разом и случилось: проводка загорелась, угарный газ пошел – и все, не стало Мишки.

– То есть криминала нет?

– Чего нет?

– Ну, никто Михаила специально убить не мог? Например, когда он в бане был и газ пошел, то, может, кто-то снаружи дверь подпер, бензином баню облил и поджег.

– Что ты за страсти рассказываешь? Я не слышала, во всяком случае.

– А он там один был?

– Где? В бане-то?

– Да. Один.

– Ни с кем у него серьезных конфликтов не было?

– Как сказать. Мишка мужик был такой, с характером.

Чуть что не по нему, так мог и в морду дать.

– Да, мало что изменилось с детства... – Петр вспомнил, что его товарищ никогда своего не упускал и часто отстаивал свои права в драках. Местные мальчишки его откровенно побаивались – Мишаня мог один против пятерых пойти.

– А в последнее время он с кем-то ссорился? Знаешь, что говорят?

– У него же много земель было. И охотников их отобрать – тоже. Особенно брат его, Женька, пьянь подзаборная, из соседней деревни, уж очень хотел таким же хозяином быть... Но если откровенно, кишка у него тонка с Мишкой сравниться.

– А зачем Женьке эти земли? Они же не Михаила, а, скорее всего, в субаренду взятые у государства?

– Да, так-то так, но эти участки в долгосрочную аренду были взяты – почти что собственность Мишина была неформально. Да и земли-то он выбрал – пуховые, сахарные. А если новые арендовать, то их-то еще возделывать надо, кучу техники привезти, чтобы вспахать, пару лет ждать, чтобы там урожай собрать. А пруды – это еще сложнее делать.

– Так у него же прямые наследники есть. Даже если и был конфликт и Михаила убили из-за имущества, то все равно земли-то отойдут наследникам.

– Каким наследникам?

– Моим клиентам. Они меня и пригласили расследовать

гибель отца.

– Ты про сына его?

– Нет, меня пригласила Ольга Михайловна, дочь покойного.

– Я не знала, что у Михаила была дочь, – эту фразу Маля произнесла, как будто нараспев. Она даже в лице изменилась, еще серьезнее и задумчивее стала.

– Ничего удивительного, она живет не тут, а в Питере. От брата узнала о случившемся и захотела сама помочь следствию разобраться, но частным образом. Вот я и приехал.

– Странно, о таких вещах обычно в деревне знают. Даже если ребенок в другом браке был или просто интрижка давняя на стороне. А тут никто ничего и не слышал.

– Маля, а сын Миши? Как его зовут? Мог он отца из-за наследства убить?

– Вася-то? Брось. Он, конечно, парень молодой, строптивый, но чтоб убить – это вряд ли. Он отцу постоянно помогал, с ним в поля ездил. А сейчас говорит, что не знает, будет ли всем этим дальше заниматься. То ли силы в себе не чувствует такое хозяйство на себе тянуть, то ли просто не лежит душа к этому. Земля – словно настоящая любовь: если полюбил – так на всю жизнь, а если не заискрило сразу, то все, уж и не пойдет никогда.

– А жена у Михаила есть – то есть была? – Петр осекся: он пока не осознал до конца, что друг детства ушел навсегда и больше они с Мишаней не встретятся.

– Не было у него жены. Вернее, была давно, она-то Васю и родила. Ну, и умерла при родах – тяжелые были, говорят.

– Так ты думаешь, что смерть Михаила – несчастный случай?

Петр затягивался уже второй сигаретой. Он смотрел даже не на Маланью, а на небо. Когда детектив отправился в путь, его сопровождало яркое солнце. На подъезде к Макарьеву его лучи спрятались за сплошными тучами. Потом оно ненадолго проглядывало сквозь хмурые облака и отражалось в деревенских лужах. А теперь, когда они стояли с Малей на заднем дворе, солнце опять скрылось. Ветра не было, только резко похолодало, обдавая каким-то пронзительным, пробирающим до костей ознобом. Петр рефлекторно поежился, когда он понял, что такую же злую стужу он чувствовал в кошмаре.

– Я думаю, да. Возможно, к этому причастны его родственники, братец его, пьянь местная. Но, между нами говоря, слабоват Женька для таких кровавых разборок. Это же не шутки – человека в бане спалить. Одно дело – ножиком пырнуть в пьяном бреду, а другое – сжечь. Тут характер нужен.

– Понятно... А где сейчас Василий, сын Миши?

– На Выселках. Он там сейчас за отца работу доделывает, наемными командует да технику увозит.

Маля тоже поежилась от холода, передернула хрупкими плечиками.

– Петя, я так рада, что ты приехал, – она чуть придвинулась к детективу.

– Теперь мы будем видеться чаще, – улыбнулся Петр красивой блондинке. – Если вспомнишь еще что-то по поводу Миши или того, что с ним случилось, звони.

Он протянул ей свою визитную карточку.

– Я позвоню.

Маля взяла карточку и скрылась в магазине, заперев за собой дверь, чтобы холод не проникал внутрь. Петр еще немного постоял во дворе и только сейчас почувствовал ее духи. Он не мог уловить этот тонкий аромат ни в торговом зале, где пахло свежими булочками, ни здесь, на крыльце, пока курил сигарету за сигаретой. Он и не думал, что женщина в деревне станет так следить за собой и выберет такой интересный парфюм. Он был почти уверен, что никогда его не встречал.

Петр развернулся и пошел к машине. Металлические цепи на казаках чуть слышно побрякивали. Черный «Форд Эксплорер» спокойно дожидался хозяина. Детектив нажал на сигналку, открыл дверь и запрыгнул на пассажирское сиденье. Пока двигатель прогревался, он переваривал то, что услышал от Мали. «Никакого криминала, – такой вывод сделал для себя сыщик после беседы с владелицей магазина. – Допустим. Это надо обдумать».

Он открыл навигатор и стал выстраивать маршрут на Выселки. Аппарат вредничал: не хотел ловить сеть и упорно показывал, что на местности, кроме озер и леса, ничего нет.

Петр разбирался с устройством и так погрузился в его настройки, что не почувствовал, как сама собой расстегнулась кобура травматического пистолета, который сыщик всегда носил под курткой. Навигатор не сдавался. Петр нажимал кнопки и в какой-то момент нечаянно сбросил прибор на пол машины.

– Черт, упрямый гаджет... – Петр нагнулся за ним.

Тем временем травмат неслышно выскользнул из кобуры и остался лежать под сиденьем внедорожника. Петр этого не заметил. Он достал навигатор и водрузил его на место. Аппарат тут же заработал и даже поймал сеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.